

- Ну про что?
- Про доброго молодца, например.
- Видать сокола по полету, а доброго молодца — по соплям.
- А про что-нибудь серьезное. Про смерть...
- Умирать собирайся, а рожь-то сей!
- Мы скоро уедем, наше время кончается.
- Значит, на отлетичке пташечка.
- Мы о вас обязательно расскажем!
- А я будто и поверила! Что обо мне рассказывать.

В. П. ВОРОШИЛОВА

Свердловск

О РУССКО-МАНСИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СВЯЗЯХ В СОВРЕМЕННОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ УРАЛА

Процесс взаимодействия русского и мансийского фольклора на Урале исторически обусловлен: издавна Северный и Средний Урал (вплоть до Екатеринбурга — Свердловска) был населен манси (вогулами). Первые известия об этом народе, их земле — Югре мы находим в русских летописях XI века¹. Начиная с этого времени новгородцы совершают неоднократные походы в Югру, проникают на Урал и в Западную Сибирь, однако связи между русскими и манси до XVI века имеют спорадический характер.

В конце XVI — начале XVII столетия, после похода Ермака в Сибирь (1581), начинается массовое заселение русскими обширных территорий Урала и Западной Сибири: на восточные окраины устремляются черносошные крестьяне русского Севера, часть крепостных, беглых из Центральной России².

Присоединение Урала, Сибири к Российскому государству сыграло в истории развития народностей, заселявших эти районы, несомненно, положительную роль. Взаимоотношения коренного и русского населения складывались трудно, постепенно. Но «идя на Урал и далее в Сибирь, трудовой русский человек не искал столкновений с местным населением, он не преследовал цели истребления коренных жителей»³. Ни эксплуататорская политика царизма, ни злоупотребления местных властей, ни хозяйственные, культурные и религиозные различия — ничто не помешало дальнейшему сближению русских и манси.

¹ В «Повести временных лет» под 1096 г. приводится следующий рассказ новгородца Гюраты Роговича: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел он в землю Югорскую. Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с Самоядью в северных краях» (Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г. М.-Л., 1950, с. 368 — 369, 400).

² Детальное описание этого процесса см. в кн.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в., с. 171.

Постепенно среди уральских (западных) манси, охотников и рыболовов, стало распространяться земледелие, а вместе с ним утверждается оседлый образ жизни. При этом они, находясь в непосредственной близости к большим путям из Центральной России в Сибирь, более, «чем их восточные сородичи, в своем быту подвергались русскому влиянию», — отмечали путешественники, — «живя меж русских людей», западные манси «всякому русскому обычаю навичны» и «ведают русский обычай»⁴.

Финский ученый А. Алквист, бывший у манси в 50-х годах XIX века, писал: «Южные границы нынешнего местожительства вогул составляют Лозьва и Тавда; но на последней реке находятся только три вогульских деревушки»⁵. «Южные вогулы редко строят зимние юрты и живут зиму и лето в бревенчатых избах. У этих южных вогул встречаются иногда и русские комнаты, служащие спальнями и покоями для приема посторонних»⁶.

Наблюдения А. Алквиста подтвердил в начале XX в. финский лингвист А. Каннисто, который указывал, например, что жители деревни Сотникова говорили между собой «часто по-русски»⁷. При этом они не забывали и свой родной язык.

Постоянные экономические, культурные, этнические связи русских и манси, несомненно, обуславливали и питали их фольклорные контакты. Этот факт отразили уже дореволюционные исследователи, в частности А. Каннисто. Он отмечал, что национального героя мансийских сказок — Эква-Пырся — информатор М. И. Укладова «очевидно под влиянием русских сказок» постоянно называла Иваном-дураком⁸. Далее в комментариях к преданию о возникновении деревни Кошук на р. Тавде А. Каннисто сообщает, что этот рассказ манси А. Х. Матюков слышал «от одного русского старика из деревни Кошутской»⁹.

Фольклорные связи русских и манси были двусторонними, т. е. и русские, особенно по мере овладения манси русским языком, знакомилась с образами и сюжетами мансийского фольклора. Об этом свидетельствуют современные экспедиционные материалы. С 1969 года фольклорными экспедициями Уральского государственного университета велось систематическое и планомерное обследование северо-восточных районов Свердловской области (Верхотурского, Серовского, Таборинского, Гаринского), некогда заселенных манси. Экспедиции показали, что русская культура, русский фольклор прочно вошли в сознание населения этих районов. Вместе с тем длительное историческое сосуществование двух народов, тесные хозяйственные, социальные и фольклорные контакты русских и манси нашли отражение в фольклоре уральцев и, в первую очередь, в

⁴ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, с. 19.

⁵ Алквист А. О местах жительства и образе жизни вогул. Б./м., б./г., с. 4.

⁶ Там же, с. 9.

⁷ Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951, Bd. 1, S. XVI.

⁸ Ibid., S. 415.

⁹ Ibid., Bd. 2, S. 671.

прозаическом фольклоре указанного региона. Для сопоставления привлекались материалы фольклорных экспедиций Уральского университета 1977 — 1978 годов в Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа.

Тема манси является на Северном Урале одной из самых распространенных и популярных в преданиях и устных рассказах. Чем ближе к границам Ханты-Мансийского автономного округа, тем полнее и детальнее рассказы о манси. В архивах экспедиции значительно число материалов (порядка 400 записей) о том, кто такие вогулы (основная тема); где жили, чем занимались; каков внешний облик, язык; верования, обычаи, фольклор манси; взаимоотношения с русскими (подтемы).

Рассказы о местожительстве вогул бытуют в двух вариантах: «вогулы селились по берегам рек, озер» и «вогулы — первые жители края, деревень». Порой трудно отделить друг от друга предания об образе жизни вогул и внешнем облике, языке. Назовем основные мотивы этих преданий: «Вогулы здесь были» (Серовский р-н-75, № 28)¹⁰; «Ясашные их звали» (Серовский р-н-75, № 47); «У них свои луга, пастбища были» (Таборы-76, № 465); «Их раньше в армию не брали» (Таборы-76, № 366, 505); «Вогулы — это охотники» (Верхотурье-74, № 1232); «У них свой язык был» (Таборы-76, № 517); «Сейчас они уже обрусели» (Гари-77, № 38). В североуральских преданиях довольно отчетливо обрисован внешний облик живших здесь некогда манси: «Ходили они в унтах и в малицах, а вместо ниток — олени жили... Хоть того пуше мороз, все без головных уборов ходили. У мужчин волосы до плеч... Женщины... монисто носили из пятаков» (Верхотурье-74, № 535).

Многочисленны рассказы о верованиях и обычаях мансийского народа. Среди них особенно распространен сюжет «вогулы поклонялись идолам» с вариантами: «поклонялись шайтану, кукле», «богу своему деревянному», «истукану», молились вкладу, пню... (Серовский р-н-75, № 2; Таборы-76, № 524, 530; Гари-77, № 39, 45). Отдельную группу образуют материалы, связанные с древними представлениями манси о женщине, определявшими ее положение в обществе, семье: «женщины с открытым лицом не ходили» (Гари-77, № 20); «они рожали в отдельной юрте» (там же) и т. д. Несомненно, подобные обычаи, верования ушли из жизни: «это было до революции», «отец (дед) рассказывал».

В наши дни чрезвычайно сложно определить пути возникновения преданий о манси на Урале, невозможно точно ответить на вопрос, что в них идет из мансийской традиции, из мансийского фольклора. Однако анализ текстов дает возможность предположить, что часть преданий о манси, записанных в экспедициях, возникла в уральском фольклоре под влиянием и воздействием рассказов самих манси. В качестве примера возьмем ономастическое предание

¹⁰ Здесь и далее в скобках указаны название коллекции, хранящейся в фольклорном архиве Уральского университета (ФА УрГУ), и номер листа.

о вогулах и челдонах, записанное автором от С. П. Храмцова, 68 лет, в д. Кузнецово Таборинского района.

«Это разделение между русскими и вогулами было давно. Вот это три сотни лет и было как.

Были высланы сюда социально опасные лица, имеющие образование, с Дона. И когда они сюда прибыли, то стали знакомиться с вогулами... Вогулы не понимали русский язык...

Вот когда вогулы знакомились с людьми с Дона, не понимая русский язык, не зная географии, а с Дона люди уже были грамотными и старались им объяснить географические понятия: я человек, — говорят, — с Дона, а вогулам надо произносить несколько слов: человек, я, с Дона. Они просто перевели эти слова: челдон.

Все это взято со слов Григория Ивановича Пуртина¹¹, и он говорит, что ему отец это передавал... (выделено нами. — В. В.) «Вогулы за продолжительный срок обрусели настолько через этих челдонов, что потеряли свой язык и, глядя на челдонов, стали заниматься хлебопашеством», а когда после Столыпинской реформы в эти края хлынула волна переселенцев из Белоруссии и с Украины, «вогулы уже говорили чисто». Новоселы («самоходы») «вогулов и челдонов всех стали называть челдонами» (Таборинский р-н-76, № 35). В композиционном отношении это сложный рассказ: предание о том, как вогулы обрусели, дополнено чрезвычайной популярностью в этой местности рассказами, содержащими народное толкование этимологии слов «челдоны» и «самоходы». Возможны мансийские истоки предания, которое вошло затем в традиции русской сказочной прозы Урала.

Летом 1977 года в с. Гари Свердловской области мы встретились с братом и сестрой Петрушкиными Ильей Васильевичем и Ефросиньей Васильевной из мансийского рода. Они родились и жили в 12 километрах от д. Пелым Гаринского района. В семье было 13 детей. Как вспоминает Илья Васильевич, «отца в армию не брали, а сыновья уже участвовали в гражданской войне (старший брат был партизаном). Потом, в Отечественную войну 1941 — 1945 годов, все четыре брата ходили на фронт, двое из них погибли, не вернулись. Четыре сестры работали в коммуне, а затем, до пенсии, в колхозе, растили детей» (Гари-77, № 51). Одна из сестер, Ефросинья Васильевна, живет теперь в Гарях. Илья Васильевич с 1940 по 1947 год был в армии, а потом 24 года работал в органах милиции Гаринского района. Жена его русская, учительница. В семье две дочери: одна заведует в Гарях библиотекой, другая — бухгалтер. История семьи Петрушкиных — это история социального и культурного роста многих и многих мансийских семей в условиях полного равноправия всех наций и народностей СССР.

Говоря о верованиях манси (вариант сюжета «вогулы поклонялись идолам» — «молились шайтану»), И. В. Петрушкин сослался на отца: «отец рассказывал» (Гари-77, № 52). Таким образом в рус-

¹¹ Г. И. Пуртин — манси, знавший родной язык, жил в д. Городок Таборинского района.

ский фольклор входили мансийские предания. Вместе с тем некоторые мотивы и сюжеты (например, последний) могли возникнуть у русских и манси одновременно, так как и те, и другие могли быть свидетелями описываемых событий.

Издавна общими для национальностей, населяющих Урал, были и рассказы о чуди¹², а именно, предания о гибели чуди («чудь заживо себя погребла»). Сюжет этот бытует до сих пор, чему способствуют остатки многочисленных городищ, курганов, древних поселений (ямы, валы, насыпи). Как правило, информаторы указывают конкретно место, с которым связывают свой рассказ: «Они вона там жили (показывает рукой за деревню)... Там гора, ров накопан. Мы там копали, черепки находили, наподобие костей что-то» (Таборинский р-н-76, № 15).

Как уже отмечала В. П. Кругляшова, для Зауралья, для районов, граничащих с Западной Сибирью, название «чудь» не характерно, оно «не вызывает в настоящее время представление о какой-либо народности, а осмысливается в значении «чудится, мерещится, блазнит»¹³, воспринимается иронически, осуждающе. В материалах исследуемого региона термин «чудь» встречается лишь один раз: «Слышать-то слыхала, что чудь какая-то была с извеку-то веков. Они прятались, не казались...» (Гари-77, № 50), т. е. представление о чуди — особой народности у информаторов самое неопределенное.

Однако традиционный сюжет прикрепился к новым, более близким жителям этого района событиям и лицам, интерпретируется как «вогулы (татары) заживо себя погребли». По сравнению с XIX веком¹⁴, постоянными стали время действия (поход Ермака) и причина гибели, самопогребения: «Они не хотели видеть русских» (Таборы-76, № 501); «Почувствовали, что Ермак идет, они и подрубили стойки все» (Таборы-76, № 502). Нам удалось записать этот сюжет от людей разных возрастных групп¹⁵, что свидетельствует об устойчивости сюжета, о прочной традиции его в уральском фольклоре.

Среди преданий о гибели вогул (чуди) в наши дни имеются, по всей видимости, рассказы, возникшие среди манси. Так, в одном из преданий информатор подчеркнул, что слышал его некогда от манси Григория Евграфова: «Он рассказывал еще, как закапывались» (Таборы-76, № 500), а И. В. Петрушкин о самопогребении вогул узнал от деда: «Мне дед рассказывал. Скажете, что я придумал. Мне дед много рассказывал» (Гари-77, № 58).

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют предположить, что в современный уральский фольклор вошли не только русские, но и мансийские предания. Тема манси, несомненно, обогати-

¹² См.: Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, разд. 1, гл. 2.

¹³ Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы..., с. 66.

¹⁴ Там же, с. 58.

¹⁵ 88, 66, 59 лет — в Гарях; 62, 18 лет — в Таборинском р-не; 69 лет — в Серовском р-не.

ла прозаический фольклор северо-восточных районов Свердловской области. Велико значение преданий о манси как историко-этнографического источника — это устная летопись края, свидетельство народа о самом себе. Взаимодействие русского и мансийского фольклора проявляется не только на тематическом уровне, но и на образном, в частности в образе лесного в уральских быличках.

В русском фольклоре лесной, леший — покровитель леса, «повелитель лесного хозяйства»¹⁶: он бережет лес и зверье, живущее в нем. Но отношение лешего к человеку, как уже отмечали исследователи, в основном, недоброжелательное: он пугает людей громким хохотом, хлопанием в ладоши, свистом, он крадет детей (особенно проклятых) и уносит их к себе в лес, заводит в непроходимые трющобы или болота одиноких путников¹⁷. В славянских быличках леший — проказник и нечистая сила («черт, живущий в лесу») ¹⁸. По поверьям, он охраняет лес от охотников. А про того, кому сопутствует на охоте удача, в народе говорили, что он вступил в договор с лешим-дьяволом.

Лесной мог принять, согласно быличкам, разный облик. Он мог явиться зверем, птицей, козленком, ягненком, даже грибом, но чаще всего человеком. Однако человек этот, как правило, необыкновенный — старик с седой бородой в бараньем полушубке, неподпоясанным и запахнутом левой полою на правую; у него острая голова и т. д. Иногда описывают лешего, — сообщает С. А. Токарев, — как голого волосатого старика¹⁹. Отличительная черта лесного — его рост: в лесу он равен ростом самым высоким деревьям, выйдя на поляну, в поле, делается ростом с траву.

Судя по материалам наших экспедиций, отмеченные особенности присущи образу лесного и в современных уральских быличках. Особенно популярен типовой сюжет «леший принимает образы» с вариантами: леший — это «дед, сам большой, баня и овины... ему по колено» (Гари-77, № 52); «большущий, дряннущий» (Серовский р-н-75, № 123); «сам, как человек, волосатый весь, глаза большие» (Гари-77, № 60); «лесника признала за деревенского мужика» (Гари-77, № 61), (А. I, № 1 а, б, г, д, е)²⁰; «высокий мужчина без бровей...» — «это хозяин леса был, лесной» (Верхотурье-74, № 1004). Мотив «лесной — человек без бровей» был указан в русском фольклоре еще А. Н. Афанасьевым с пометой «поверье, которое

¹⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 29.

¹⁷ Сведения взяты из книг: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868 — 1869, т. 1 — 2; Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.-Л., 1957; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре.

¹⁸ Иванов П. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Харьков, 1893, с. 32.

¹⁹ См.: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов..., с. 80.

²⁰ В скобках номер сюжета по указателю сюжетов русских быличек и бывальщин, помещенному в кн.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре, с. 167 — 170.

остается для нас неразгаданным»²¹. Наличие этого мотива в наше время на Урале связано, по-видимому, с бытующими здесь легендарными рассказами о людях необыкновенного вида, которые жили в далеком прошлом в Сибири²². В частности, в Верхотурье в 1974 г. был зафиксирован сюжет «народ был без бровей»²³.

Широко распространен в указанном регионе сюжет «леший уводит проклятых, отданных ему неосторожным словом» (А I, № 7а). Традиционно бытуют былички на сюжеты «леший выдает себя хохотом» (А I, № 2); «леший заводит человека» (А I, № 5); «леший выносит человека из леса (болота) домой (на дорогу)» (А I, № 14); «леший пугает действиями, звуками и т. д.» (А I, № 6); «леший боится...» (А I, № 24 а, б); «человек видит свадебную процессию леших» (А I, № 3).

Вместе с тем в русском фольклоре северо-восточных районов Свердловской области имеются сюжеты, не отмеченные в указателе Э. В. Померанцевой. Например, «леший не любит, когда на тропе разводят костер (нодью)²⁴: «Тут я от охотников слыхал, конечно. Рубят нодью. Если есть мало-мальски тропа, не ставь нодью. Ночью подыметесь вихор и это все унесет, и всю нодью унесет... Это леший, говорят, едет. Его тропа» (Гари-77, № 63). Думается, что возникновение этого сюжета было вызвано своеобразием жизненных условий населения Северного Урала.

Подобные рассказы бытовали, вероятно, как среди русских, так и среди манси. Об этом говорят экспедиционные материалы, в частности, от потомка манси И. В. Петрушкина записано: «Лесной — это хозяин в тайге. Надо было соблюдать разные порядки: не строить нодью... Не затушишь костер, уйдешь, якобы хозяин тайги накажет. Дед и отец у меня говорили: хозяин тайги есть. Это я хорошо знаю, помню» (Гари-77, № 67)²⁵.

Мотив «хозяин есть везде (в лесу, в воде...)» типичен для мансийского фольклора. Предки современных манси свято чтили хозяев леса, воды, отдельных мест, принесли им жертвы. В мансийской демонологии Хозяин тайги не только покровитель леса, но и охотников²⁶. По преданиям манси, Хозяин леса — «человек метра два или три, весь в шерстях» (Саранпауль-77, № 23). Появление его сулит охотникам богатую добычу. В пос. Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского округа манси К. П. Лончаков рассказал: «Один раз у меня у брата было. На охоту ушел в сторону гор. Спать легли. Только спать легли, один брат уснул, а второй не

²¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1, с. 332.

²² См.: Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы..., с. 26 — 29.

²³ Кругляшова В. П., Климова О., Арутюнян С. Новые записи преданий на Урале. — В кн.: Фольклор Урала. Народная проза. Свердловск, 1976, с. 45, № 13, 14.

²⁴ Нодья — лесной охотничий костер (Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1971, т. 2, с. 210).

²⁵ Ср. сказ «Гнев Тайги» в кн.: Анисимкова-Бекина М. Мансийские сказы. Свердловск, 1960, с. 116.

²⁶ См. колл.: «Березово-77», «Саранпауль-77», «Сосьва-78».

спит, слышит: какой-то человек остановился, палатку открыл, его за ногу тащит. Он испугался, стал кричать... Второй брат проснулся, и никого не стало. Печка топится. На другой день пошел — четырех соболей убил...» (Саранпауль-77, № 24).

Характерно, что в указателе сюжетов русских быличек сюжет «встреча с Хозяином леса (лесным) приносит охотнику счастье» не выделен²⁷, однако он бытует и широко распространен среди русского населения Северного Урала. Приведем пример: «Было со мной раз такое. В Каменской волости в избу вошел ночевать. Пробудился ночью: он стоит в дверях, вытащил вперед башку и смотрит на меня. Сам, как человек, волосатый весь, глаза большие. Молчит. Соскочил я, огонь развел — ушел он. А наутро убил соболя и лося. К фарту это было. Правду говорю» (Гари-77, № 69).

Возможно, этот сюжет ведет свое начало из мансийского фольклора, появление и распространение его на Урале обусловлено длительными контактами русских и манси в обследованном регионе.

Влияние образа Хозяина тайги у «таежного охотничьего населения» на образ восточнославянского лешего подметил еще С. А. Токарев²⁸. Правда, он писал об этом между прочим, безотносительно к какой-либо конкретной местности. Это влияние обнаруживается на Северном Урале в том, что у лешего появилась функция покровительства (см. предыдущие примеры, а также: «лесник помогает людям вытащить лошадь» (Гари-77, № 73). Сопоставление североуральских материалов с записями, сделанными экспедициями УрГУ в 50 — 70 годы на Среднем и Южном Урале, показывает, что в более южных районах функция покровительства у лесного отсутствует.

Вероятно, под воздействием мансийского фольклора на Северном Урале до сих пор употребляется термин «хозяин (леса, тайги, отдельных мест)»; характерных сегодня для обозначения образа русского лесного, известны рассказы о нем и обычаи, связанные с древним поклонением ему. В Гарях нам не раз приходилось слышать отголоски этих суеверных представлений: рассказывали, например, о кедровнике, в котором «никогда пожаров не бывает... Кругом леса горят, а он ничего, стоит. Видать, Хозяин у него есть» (Гари-77, № 71, 65). Говорили, что «раньше вот какой был обычай: выйдет рано утром охотник из избушки и спрашивает разрешения у Хозяина тайги, можно ли на охоту. Если откликнется (эхо это) — не будет счастья. То есть Хозяин тайги откликается, толкует, чтобы уходил. Если он раза три ответит, не будет счастья. Но эхо же не всегда откликается. Иногда хоть двадцать раз кричи, если дождливая погода...» (Гари-77, № 70). В преданиях содержится попытка информатора (И. В. Петрушкина) материалистически объяснить

²⁷ В указателе есть сюжет «охотник знается с лешим» (А I, № 27 в), который предполагает, как правило, договор охотника с лешим, нечистой силой. См. также: Иванов П. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках, с. 33.

²⁸ См.: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов..., с. 82 — 83.

события: голос Хозяина — «эхо это», «иногда хоть двадцать раз кричи, если дождливая погода...»

Один из немногих, И. В. Петрушкин еще вспомнил, как в детстве дед рассказывал о великанах, популярных героях мансийского фольклора, однако рассказы эти забылись прочно, остались «слуши и толки»: «Говорят, до трех метров великаны были. Это вроде чтобы запугать людей» (Гари-77, № 70).

Ясно, что современным людям все эти рассказы, представления чужды, смешны иногда. Недаром большинство записанных нами быличек имеют пояснения: «раньше еще это было», а средний возраст рассказчиков — 60 и более лет. В былички не верят, хотя некоторых рассказчиков и слушателей они привлекают еще своей занимательностью, острым сюжетом.

Следует отметить еще раз, что русско-мансийские фольклорные связи более ощутимы в тех районах, где еще сравнительно недавно (в начале XX века) жили манси — это Гаринский, Таборинский районы Свердловской области. По рассказам, лет 30 — 50 назад в **Гарях** существовал запрет есть медвежье мясо: «он (медведь. — В. В.) на женщину похож» (Гари-77, № 72, 65)²⁹. До сих пор сохраняется обычай: «если на охоте нет удачи, окуриваться: разжигают костер из вереска и молчком три раза каждый перешагивает через него и даже собаку переводят» (Гари-77, № 76). Хотя в последнем случае возможна типологическая общность. Обычай окуривать свою одежду, скот, перешагивать (скакать) через огонь существовал и у славян³⁰. Думается, что влияние мансийского фольклора, в котором культ огня заметен и сегодня³¹, сказалось в том, что этот обычай бытует в наши дни среди русских и обрусевших манси Северного Урала.

Итак, устное народное творчество северо-восточных районов Свердловской области, как показали материалы фольклорных экспедиций Уральского университета, значительно обогатилось благодаря влиянию на него мансийского фольклора. Расширилась тематика народных рассказов: большую группу в этом регионе образуют предания о манси-вогулах. Можно предположить, что часть из них была создана манси.

В результате русско-мансийских контактов в жанре быличек появились новые сюжеты и варианты сюжетов, не отмеченные в указателе русских быличек («леший не любит, когда на тропе разводят костер (нодью)», «встреча охотника с лешим приносит счастье», «лес не горит, потому что у него есть хозяин»). Образ лесного стал богаче, многограннее: леший здесь не только проказник, но и покровитель охотников, хозяин отдельных мест.

В настоящей статье рассмотрены лишь некоторые первоначально наметившиеся направления фольклорного взаимодействия рус-

²⁹ У манси до сих пор бытует почитание медведя (см. материалы экспедиций в Березовский р-н в ФА УрГУ).

³⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, с. 17.

³¹ См. материалы экспедиций в Березовский р-н в ФА УрГУ.

ских и манси в области сказочной прозы, сделана попытка выявить уровни и формы этого взаимодействия. Необходимы дальнейшее собиранье материалов, совершенствование методики анализа.

С. М. АРУТЮНЯН, О. А. КЛИМОВА,
Т. М. КОЩЕЕВА

Свердловск

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЕ НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ СТАРИННОГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЕ

Верхотурье — один из самых старых городов на Северном Урале. Он начал строиться на высоком берегу реки Туры в 1598 году, когда был открыт новый, кратчайший путь из Европейской части России в Сибирь.

Став торговой таможней, город сразу же оказался под пристальным вниманием царского правительства, которое всеми способами старалось удержать в повиновении вольнолюбивых уральских жителей. Оно прибегло к самому проверенному методу усыпления социальной активности трудового народа, особенно других национальностей, — к проповеди религиозных взглядов и убеждений. В Верхотурье одновременно функционировало более 30 церквей и соборов, были построены мужской и женский монастыри. Некоторые из древних построек сохранились и по сей день, они являются памятниками русского зодчества.

Так реальная действительность подготовила почву для развития традиции устных народных антиклерикальных рассказов, которая продолжается и в наши дни.

Данная публикация состоит из записей, сделанных во время экспедиций в г. Верхотурье. Они объединены в коллекции «Верхотурье-69, 71, 74», хранящейся в фольклорном архиве Уральского университета. Порядковые номера текстов в коллекции указаны в скобках. Тексты, у которых номера не указаны, собраны в коллекцию «Предания. Верхотурье-71».

1

Чертовых городищ на Урале много. Одно у нас здесь около Добрынино километра полтора. На этой стороне Добрынино стоит. На Чертовом городище раньше будто бы жил старик какой-то. Этот прохвост до той войны пришел еще, вырыл пещеру себе. Ходили к нему люди верующие, молились. Он от железной дороги рельсы достал и, как будто это у него колокол, бил в него (№ 83).

Записано Т. Дегода, Е. Ивановой от В. Ф. Дерябиной, 1899 г.
рожд., летом 1974 г.